

Интервью с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Борисовичем Пиотровским / Interview with the Director of the Hermitage Mikhail Borisovich Piotrovsky

| ХРАНИТЬ И СОБИРАТЬ / TO SAVE AND TO COLLECT |

ХРАНИТЬ И СОБИРАТЬ.

Интервью с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Борисовичем Пиотровским

Музей представляет собой развернутую память эпохи, память художественную, память вкуса, память историческую. И в этом смысле он не меняется никогда. Музей остается местом, где хранится подлинное. Музей оказывается не просто одним из учреждений культуры, но приобретает градообразующую функцию, становится туристическим и просветительским центром. То, что такое искусство определяется музеем. То, что выставляет, хранит и собирает музей – и есть искусство. Сохранение, память культуры важнее культурной политики. Мы должны передать культурные ценности следующему поколению, собрать и сохранить память культуры – для будущего.

Ключевые слова: музей, память, выставка, хранение, современное искусство, культурная политика.

Беседовала Анна Конева

Анна Владимировна Конева – Михаил Борисович, как на Ваш взгляд, изменился музей в современном мире?

Михаил Борисович Пиотровский – Музей не изменился. Музей был и остается хранилищем памяти, хранилищем подлинных вещей – и если это изменить, то мы получим уже что угодно, но только не музей. Главная функция музея – хранить и собирать. Вещи изымаются из оборота и таким образом становятся овеществленной памятью. Музей представляет собой развернутую память эпохи, память художественную, память вкуса, память историческую. И в этом смысле он не меняется никогда. Музей остается местом, где хранится подлинное. В нашу эпоху становится все меньше и меньше подлинного, музей остается таким островком подлинного – и в этом смысле его значение возрастает.

Доказательством служат те очереди, которые стоят на выставки. В мире, где все виртуально, где можно рассмотреть картину в деталях и прочитать про нее одновременно, люди стоят в очередях, чтобы увидеть картину в подлиннике – и это важно. Именно поэтому музей оказывается не просто одним из учреждений культуры, но приобретает градообразующую функцию, становится туристическим и просветительским центром. Петербург ассоциируется в Эрмитажем, Нью-Йорк с Метрополитен, Париж с Лувром... Музей, таким образом, не просто хранит и показывает, он объясняет и слегка навязывает, так ненавязчиво навязывает... Но помимо этого музей старается влиять на жизнь общества. Музей воспитывает вкус, открывает возможность понимания истории и учит, таким образом, собственному историческому достоинству – в этих

TO SAVE AND TO COLLECT.

Interview with the Director of the Hermitage Mikhail Borisovich Piotrovsky

The main topics of the interview are cultural memory, taste, museum as a cultural institution, tourism, cultural politics, cultural values, the future of the museum's politics.

Key words: museum, memory, exhibition, modern art, cultural politics.

Interviewed by Anna Koneva

Интервью с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Борисовичем Пиотровским / Interview with the Director of the Hermitage Mikhail Borisovich Piotrovsky

| ХРАНИТЬ И СОБИРАТЬ / TO SAVE AND TO COLLECT |

сферах музей старается свой вкус представлять обществу. Музей в значительной мере сегодня является определителем качества жизни. На самом деле благосостояние людей определяется не деньгами, а качеством жизни. Качество жизни в городах в значительной мере определяется музеем. И примером может служить то, что во времена экономических кризисов резко возрастает посещаемость музеев – людям нужно определенное качество жизни.

А.К. – Вы сказали, что в современном мире все меньше подлинного. Но тем не менее музейные коллекции постоянно пополняются, и пополняются подлинным... Это касается как коллекций искусства и предметов прошлого, так и более современных коллекций. Хотя здесь есть еще один вопрос – о критериях подлинности? Любая ли подлинная вещь достойна обрести свое место и смысл в музее?

М.П. – Это сложный вопрос. Подлинная вещь, не артефакт, а именно вещь – создана в определенное время, не изобретена, не может быть заменена, она индивидуальна и уникальна в этом онтологическом смысле. Здесь неверно было бы употреблять понятия фальшивки, например, как когда мы говорим о картине, написанной мастером. Все мастера прошлого писали не в одиночку, а мастерскими, там есть работы учеников и это может быть обнаружено. Но картина от этого не становится неподлинной. Подлинность, подлинная вещь – это вещь, которая создана, чтобы представлять саму себя, свою функцию. В музее такие вещи вырваны из контекста, из поля своих первоначальных функций, но они по-прежнему представляют сами себя. В подлинности есть энергия, которая заложена туда Богом, солнцем и талантом человека.

А.К. – Как мы определяем подлинность в современном искусстве, которое не всегда представляет само себя, а зачастую представляет иное через иное и через отнесение к иному?

М.П. – Мне кажется, что важны две вещи в современном искусстве. Первая – это то же самое, что искусство вообще, принципиальной разницы нет. С

развитием культуры идет развитие и трансформация форм и языков искусства, конечно, но разделять мы можем только по времени. Критерий времени оказывается критерием верификации – время отсеивает ненужное и сохраняет то, что останется будущим поколениям. И в этом как раз огромной важности роль музея, потому что музей собирает и хранит, и передает будущим поколениям. И поэтому можно смело сказать, что то, что такое искусство и определяется музеем. То, что выставляет, хранит и собирает музей – и есть искусство. Искусство не обязано быть хорошим. Оно не обязано нравиться. Искусство может быть плохим, оно может создавать аттракцион, скандал, может быть провокационным, шокирующим, но от этого оно не перестает оставаться искусством. В этом его подлинность.

А.К. – Возвращаясь к вопросу пополнения коллекций подлинными вещами – может ли музей разрастаться бесконечно, или он должен в какой-то момент сказать «стоп»?

М.П. – Музей – это живой организм, поэтому он должен расти и постоянно пополняться. Пополнение коллекций – признак жизни, также как и выставки. Многие спрашивают – зачем вам делать выставки, у вас в Эрмитаже и так всегда есть посетители. Верно, посетители такого музея как наш, приходят не на выставки, а на постоянную экспозицию. И поэтому мы можем позволить себе делать те выставки, которые мы хотим. Поэтому это дает нам определенную степень свободы в творчестве, в исследовании, в том, что и как мы показываем, из того, что храним. Важно понимать, что коллекции не обязательно пополняются современным искусством. Есть лакуны в коллекциях прошлых эпох и если появляется возможность эти лакуны заполнить, мы, конечно, приобретаем вещи прошлых эпох. Они включаются в диалог с другими вещами и наше знание о культуре становится более полным. Что касается современного искусства – каждый музей, особенно большой музей должен сам определить свою приобретательскую политику. При Екатерине Эрмитаж собирал современное ис-

МУЗЕЙ: ПАМЯТЬ И ПРОЕКЦИИ БУДУЩЕГО / MUSEUM: PAST, PRESENT AND FUTURE

Интервью с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Борисовичем Пиотровским / Interview with the Director of the Hermitage Mikhail Borisovich Piotrovsky

| ХРАНИТЬ И СОБИРАТЬ / TO SAVE AND TO COLLECT |

куство. В XX веке нерешительно собирал, а сейчас мы снова начинаем не то чтобы собирать, но осваивать эту территорию... Это важно и для пополнения музейных коллекций, и для того, чтобы не проходило ощущение нового – как для самого музея, так и для его посетителей, конечно.

А.К. – Функция и основная задача музея остается прежней, но меняются способы экспонирования, способы коммуникации со зрителем. Чего ждет от музея современный посетитель и как изменяется способ взаимодействия со зрителем в XXI веке?

М.П. – Сегодня люди, которые приходят в музей, как правило, очень образованы и много чего видели. У них высокие требования, и музей должен соответствовать им. Чем ваш музей отличается от других – этот вопрос подразумевается, и музей должен показать, доказать свою уникальность. С другой стороны, таким зрителям, которые много видели и хотят узнать новое, мы можем показывать нечто необычное. Сколько человек в городе интересуется современным искусством? 30 000 человек – мы считали. Когда у нас была выставка современного искусства в здании Генерального Штаба, там был отдельный вход и мы точно знаем, сколько человек посмотрели эту выставку. После Манифесты тех, кто интересуется современным искусством, стало больше. Зритель «входит во вкус», он расширяет свой кругозор и уже внимательно следит за тем, что ему предлагает. С другой стороны, мы тоже внимательно относимся к зрителю и стараемся предложить ему то, что ему интересно. Те, кто любят современное искусство, любят фотографию, значит, мы предлагаем выставки фотографий. Те, кто любят фотографии, любят гравюры... И так далее. Коммуникация выстраивается на основе вкуса, но благодаря этой коммуникации вкус зрителя развивается и формируется, я уже говорил, музей умеет ненавязчиво навязывать... Вместе с тем, музею всегда нужно понимать, кто те люди, которые приходят и ориентироваться на разные круги публики. Есть культурно-исторические выставки и экспозиции, для людей, которым интересна история, интересно искусство, культура. Есть

выставки современного искусства, и тут система коммуникации со зрителем, и весь пиар будет отличаться. И есть выставки для гурманов, для тех, кто ищет в искусстве собеседника и может часами стоять перед одной картиной – для них мы привозим, например, одну картину, либо создаем камерные выставки с узкой темой.

А.К. – Какие проекты меняют качество посетителя? Как Манифеста изменила количество тех, кто интересуется современным искусством?

М.П. – По большому счету все проекты меняют нашу публику, это делает всякое хорошее искусство. Мы сделали Манифесту и смешали ее с Эрмитажем. Для нас это была возможность специального диалога – с классическим искусством, с пространством музея и с пространством города. Это был удачный и сильный проект. Сейчас будет выставка Яна Фабра, мы делаем ее в таком же ключе – не только в залах фламандского искусства, но и в других залах Эрмитажа, и на площади будет что-то происходить. Следующий большой проект – столетие Революции, тут тоже музей будет задействован всем своим пространством. Мы меняем способ коммуникации с публикой, потому что уверены, что наш зритель может воспринять такой сложный, многоплановый контекст восприятия искусства – и зритель тоже изменяется с каждым проектом, это неизбежно.

А.К. – Как задействуются новые технологии? В музее они сейчас играют в основном вспомогательную роль, пояснений, гидов, информации... Какие музейно-выставочные мультимедиа технологии сейчас наиболее востребованы, какие векторы развития видны и развиваются?

М.П. – Развитие трендов надо измерять с той точки зрения, как это помогает показывать то, что есть в музее. Поэтому конечно, это прежде всего информационная поддержка. Вне музея технологии развиваются гораздо активнее. Наглядный пример – сейчас вошли в моду такие виртуальные выставки – весь Ван Гог, весь Рембрант, и еще что-нибудь все сразу. Такие выставки имеют право на существование, музей никогда не сможет показать все и

МУЗЕЙ: ПАМЯТЬ И ПРОЕКЦИИ БУДУЩЕГО / MUSEUM: PAST, PRESENT AND FUTURE

Интервью с директором Государственного Эрмитажа Михаилом Борисовичем Пиотровским / Interview with the Director of the Hermitage Mikhail Borisovich Piotrovsky

| ХРАНИТЬ И СОБИРАТЬ / TO SAVE AND TO COLLECT |

сразу – не имеет смысла для музея делать грандиозные выставки с большими претензиями. Все равно на выставку, скажем, Гогена, самых лучших работ художника вы не получите. Получите одну-две, а остальные картины будут менее известными. В мультимедийных проектах вы можете собрать действительно все одновременно, и это грандиозно – увидеть одновременно все работы Микеланджело или Ван Гога. Но это другой жанр. Музей же должен оставаться подлинным – в этом его суть. Когда слишком много экранов – как раньше, когда было слишком много надписей – люди не смотрят картины. Сегодня мультимедиа очень помогают как работникам музея, так и посетителям. Огромное количество информации можно почерпнуть на сайте музея. Собираясь в музей, человек планирует свой визит, он смотрит информацию, планирует маршрут, может пройти виртуальную экскурсию... Очень полезным я считаю развитие всяких приложений, которые можно использовать по время визита в музей. Можно ходить по музею без всяких путеводителей, без гидов – это изменяет возможности экскурсионного обслуживания, дает человеку больше информации. И при этом развитие технологий оставляет больше возможностей для творчества нашим научным сотрудникам – они могут предлагать авторские экскурсии, необычные ракурсы общения с искусством. Есть еще один аспект развития мультимедиа, который таит в себе, на мой взгляд, серьезную опасность – это глобализация информации. Создание Государственного электронного каталога – сегодня одна из наиболее дискуссионных тем. Государственный электронный каталог не может быть учетным документом! Информация, собранная в таких масштабах перестает быть доступна охвату человеческим разумом, а главное, такой подход отрывает информацию от вещи. К примеру, есть три похожих шлема в трех музеях. Один в маленьком местном музее, это главный экспонат, его здесь нашли, в этой местности, изучают, носят с ним. Другой, в Арсенале,

где он один из многих, но на этом есть особые отметины, он участвовал в том или ином сражении, его ценность очевидна. Третий еще где-то, но в любом музее уникальность вещи – ценна. Какой-нибудь же заместитель министра, посмотрев общий каталог, скажет: для чего нам три одинаковых шлема, давайте один продадим. Музей понимает ценность каждого предмета – этого, уникального, с неповторимой историей – подлинного. Вещь – часть музейного организма. Соблазн информационной легкости не должен заменять критерии подлинности, вещи музея вообще не должны никуда из музея уходить.

А.К. – Вы говорите о функции музея «сохранять», но музей одновременно изучает и показывает эти вещи. И функция показывать зачастую вступает в противоречие с функцией хранить...

М.П. – Главное в музее – фонд, музей хранит и собирает, он может вообще ничего не показывать. Музей показывает то, что в данный момент нужно обществу. Мы сохранили в свое время многие реликвии семьи Романовых, зная, что никогда не будем их показывать! Хранение – главная задача музея. Во время войны музеи были в эвакуации, были то закрыты, то открыты, но они продолжали существовать, потому что продолжали хранить. Музей существует для общества в целом, публика – лишь часть этого общества. Поэтому музей должен сохранять свои коллекции – от власти, от врагов, от приватизации, от продажи... Музей существует для общества в целом, публика – лишь часть этого общества.

А.К. – А для кого или чего?

М.П. – Для человечества. Но для этого надо сохранять от природы, погоды и того же человечества. Из музея ничего нельзя продавать! Никакое государство не может решать, что продать, что оставить. Сохранение, память культуры важнее культурной политики. Мы должны передать культурные ценности следующему поколению, собрать и сохранить память культуры – для будущего.

